

Глава 7. Политика и снег

LXXIX.

До Александрплатц они доехали вместе на дрезине, а потом разошлись, каждый по своему делу. Ахил пошел парковать драгоценную дрезину в гараж для пущей сохранности, Пшигода – уговаривать Серба допустить их до Александра, Лу – искать Пилар. Арк же с Карманом отправились дальше пешком до музея Боде. Перед выходом Пшигода настоял на том, чтобы все вооружились: его столкновение с дуболомами могло означать, что всю компанию ждут и другие неприятные сюрпризы. Именно поэтому Арк, втайне жалея о погибшем в Шпрее пиджаке, шел в тяжелой, заслуженной куртке. По ее карманам были рассованы жезлы и прочие боевые артефакты. Но, по крайней мере, суровый февральский ветер не доставлял ему особых неудобств. Рядом довольно семенил Карман, неся внутри себя остальной арсенал. Песик любил Лу, но возвращению хозяина из госпиталя обрадовался чрезмерно.

День выдался холодным, промозглым и ясным. Лишь далеко на небе собирались тучи, но сильный южный ветер почти гарантировал, что они дойдут и до Алекса. А пока что Арк размашисто шел вперед и, несмотря на спешку и общую серьезность происходящего, радовался погоде. Его всегда привлекал контраст солнца и холода. Может, дело было в пушкинских стихах, которые мама читала ему в детстве, а может, просто так была устроена его нервная система, но за пару минут ходьбы он сумел почти расслабиться, отдаться ритму шагов и свежести ветра на коже. Может быть, конечно, дело было еще и в том, что он в пику своим привычкам не хотел думать о предстоящем разговоре с Доротеей.

Арк так и не мог понять своего отношения к ней. Она, несомненно, его привлекала: и внешностью, и быстрым переходом от силы к нежности, который он несколько раз замечал. Она казалась запутанной и решительной, могущественной и беспомощной, она отдавала приказы и нуждалась в помощи. Арк шагал и пытался разобраться, какая грань ее характера была рамой, а какая – картиной внутри.

Учитывая всё сказанное и не сказанное утром, она представлялась жертвой обстоятельств – хозяйкой могущественного артефакта, который хотел заполучить Виктор Лихтенхерц для достижения своих целей. Но она же тоже была, обязана была быть, частью этой игры. Она строила собственные планы. Что из произошедшего – ее куски пазла? И какую роль во всем этом на самом деле играл Хозяин? И куда, черт возьми, он подевался?

Арк прошел уже половину пути, так ничего для себя и не решив, когда Карман остановился и завертел головой. Арк тут же почувствовал движение, похожее на сильное дуновение ветра. Но оно не холодило кожу и не шевелило одежду – словно могучая колдовская волна прошла Арка насквозь, волна необычайной силы, необычайного желанья, необычайной ярости. Она очень быстро двигалась в

сторону Александрплатц. Арк дал Карману команду «Вперед!» и бросился за ней. Уже скоро он услышал крики.

LXXX.

Утро у Пилар выдалось тяжелым. Мигель разбудил ее чуть-чуть до рассвета, когда небо только начало розоветь. Сыну Пилар было девять, он родился незадолго до Смещения. Когда врачи рассказали, что ожидает родителей ребенка с такими осложнениями, отец Мигеля исчез без всякого колдовства, оставив Пилар совсем немного денег, а также чувство глубокого изумления природой мира и людей. Изумление сменилось смирением, и когда одиннадцать месяцев спустя Смещение вывернуло реальность наизнанку, Пилар это потрясло меньше, чем кого-либо. Она оказалась готова к этому, словно вся ее жизнь до той поры подводила ее к апокалипсису.

Пилар очень быстро поняла, что в мире, где всё решают не деньги, не связи, а смелость, адаптивность и колдовская сила, у нее неплохие шансы. Единственным якорем, который был в ее жизни, оказался Мигель, маленький, слабый комочек плоти, требующий постоянной защиты и опеки, и тогда она превратила его в фундамент, на котором построила собственный дом. Мигель оправдывал любые поступки, отметал все моральные императивы, сводил на нет сомнения. Пилар вгрызалась в новую реальность, цеплялась за все видимые и невидимые возможности, потому что зарабатывала на жизнь не только себе, но и ему, беспомощному, безответному мальчику, который даже в девять лет не мог себя кормить и одевать и будил ее до рассвета дикими криками.

– Chico, – говорила она, успокаивая сына, пока Мигель прижимался к ней всем телом и легонько дрожал. – Chiquito. Всё будет хорошо, chiquito. Начинается новый долгий день.

Мальчик проплакал всё утро, и Пилар долго собиралась, пила черный злой кофе чашку за чашкой, пыталась задвинуть на какую-то заднюю стенку своего сознания последствия тяжелой ночи. Она знала, что сегодня ей предстоит важная и сложная работа. Но какая-то часть ее сопротивлялась и твердила, что никакая работа, никакие колдуны со своими интригами, вообще ничто происходящее за пределами ее небольшой квартиры не так важно, как самочувствие и настроение ее ребенка.

Она оделась в обычную одежду – плотную теплую кофту и брюки карго с карманами, пока Мигель удовлетворенно агукал. Завтракать он, несмотря на все уговоры, наотрез отказался и теперь наслаждался маленькой победой над матерью. Пилар одела и его тоже, впихнула непослушные ручки-веточки в рукава куртейки, и они вышли на улицу.

День выдался солнечный и морозный. Зябко кутаясь в кофту, Пилар повела Мигеля через всю Александрплатц, в госпиталь Оксаны. Там жила медсестра

Катрин, девчушка, которая присматривала за мальчиком, пока Пилар работала. По дороге Мигель вел себя беспокойно, капризно, не хотел идти обычным путем, тыкался во все стороны, как слепой щенок на поводке. Пилар крепко держала его за руку.

Благодаря редкому явлению февральского солнца площадь была полна народу. Люди, соскучившись за долгую зиму, высыпали на улицу, варили кофе в больших чанах, шумно обсуждали вчерашнее объявление. Уже начали работать торговые палатки и кабинки. Слышался стук молотка сапожника Даниэля, обосновавшегося в самом центре площади и за копейки чинившего даже самые требовательные и высокотехнологичные «Найки» и «Адидасы».

Мигель закричал внезапно и громко, как пожарная сирена. Некоторые прохожие оглянулись на него, но никто ничего не сказал – жителям Алекса была свойственна некоторая флегматичность. Надо ему – значит, кричит.

Мигель никак не хотел успокаиваться, он рыдал, махал руками и ногами и тянул Пилар куда угодно, но только не к госпиталю. «Такого приступа у него не случилось давно, – подумала Пилар, – с тех пор, как мы достали новые таблетки. Что же будет, когда они закончатся?»

Пилар и безутешный мальчик почти дошли до госпиталя. Крик Мигеля перешел в ультразвук, и Пилар вдруг почувствовала сильную колдовскую волну. Метрах в трех от них земля вспучилась, и серый асфальт площади окрасился сотней цветов. Кто-то сбоку весело засмеялся, но Пилар на всякий случай заняла боевую стойку. Рядом с ними упала крупная птица, резко затормозила перед самой землей, превратилась в Лу. Взгляд ее всё еще горел птичьим хищным огнем.

LXXXI.

Восемью минутами ранее Лу быстрым шагом шла до дома Пилар, не зная, что та уже вышла. Вместе с ней Лу рассчитывала пойти к Оксане и предупредить ее тоже. Лу не сильно верила в помощь Александра, но Оксана была действительно могущественной колдуньей, а главное – госпиталь нужно было спасти любой ценой. Лу злилась. На Арка, который пошел к предательнице Доротее, вместо того, чтобы спасти Алекса. На Пшигону, который так устал вчера вечером, что тянул с рассказом до утра. На Пилар, которая опоздала. В конце концов, на себя, потому что не смогла всё это предвидеть, предупредить и предсказать. Часть этих претензий точно была необоснованной, но злость раздувала внутренний огонь Лу и, как ей иногда казалось, делала ее сильнее.

Ей нужна была эта сила, в чём Лу не призналась бы даже Ирджиху, потому что она очень боялась. Страх вперемешку с сомнениями и с синдромом самозванца змейкой ползал по ее душе. Так часто бывает с теми, у кого долгое время ничего не было. Когда что-то появляется (дом, семья, добро, работа, власть) – змея просыпается и начинает свой скользкий путь.

Дома Пилар не оказалось. Лу постучала еще раз, сильнее, полминуты потопталась у двери, но никто так и не ответил. Прислушалась: тихо, Мигеля слышно не было. Значит, они уже вышли, и Пилар либо заводит Мигеля в госпиталь, либо уже спешит в кирху. Лу выбежала из дома и одним плавным движением обратилась в птицу.

Лу-оспри всегда была целеустремленнее, увереннее в себе, спокойнее, чем Лу-человек. Может, дело в птичьих гормонах, а может, в чём-то еще, но превращение всегда действовало на нее как ледяной душ. Она взлетела над площадью за несколько могучих взмахов крыльев, сначала полетела на северо-восток, дабы убедиться, что маленькая фигурка Пилар не движется по Пренцлауэр-аллее в сторону кирхи.

Потом, развернувшись в воздушном потоке, распластавшись в попутном ветре, она вернулась в небо над Александрплатц. Единственное, что Лу-оспри не могла сделать, это остановиться. Двигаясь по широкой спирали, она несколько раз облетела площадь, высматривая в людском вареве две фигурки: побольше и поменьше, держащиеся за руки. На очередном витке она их заметила, пошла на снижение и тут почувствовала ее.

Волну наглой, неприятной силы, которая, словно дуновение отравленного ветра, прошла в нее, а потом и сквозь нее. Однажды, месяц с небольшим назад, когда Лу только училась быть птицей, природа взяла свое, и она убила и съела мышь. Та оказалась чем-то больна, и Лу жестко рвало и мутило, сначала в птичьем облике, а потом и в человеческом. Сейчас ощущения были сопоставимые.

Земля рядом с выходом из подземки набухла и лопнула, словно гнойник. Всё вокруг замелькало, окрасилось лиловым, белым и фиолетовым. Пилар и Мигель стояли совсем неподалеку от этого. Рядом с ними открылось несколько порталов, и из них стали вылезать уродливые твари. Лу, погасив приступ паники, спикировала, превратилась в человека и подтянула все силы, до которых смогла дотянуться.

Началось.

LXXXII.

Все разошлись, и Акхил остался наедине с дрезиной. Он аккуратно завел ее в старый гараж под железнодорожными путями, выбрался из кабины, залез наверх. Колдомёт был разряжен и вычищен. Акхил сел, свесил ноги вниз, достал из кармана пиджака маленькую пенковую трубку и кисет. Спокойно раскурил, собираясь с силами. Он знал, что время поджимает, но его переполнял страх. Простой человеческий страх. Он сделал затяжку, а потом рассеянно смотрел, как сизый дым, танцуя, поднимается кверху и растворяется в воздухе.

Первый раз это чувство накрыло его сразу после Смещения. Дома, в Индии, он привык к хаотично двигающимся толпам людей, к потоку лиц, напирających со всех

сторон. Или, по крайней мере, он так считал. Но в тот день в кампусе университета Гумбольдта, где он работал, прозвучала сирена. Он сначала не понял, в чём дело, вышел вслед за остальными из лаборатории на улицу. Сирена звучала, а потом резко заглохла, и тогда люди начали меняться. У кого-то отрастали добавочные конечности, кто-то просто лопался и опадал красным дождем на землю, кто-то раздувался, как воздушный шарик. Паника началась сразу же. Все побежали. Крики. Небо стало сиреневым.

Акхил затаился трубой, еще раз перепроверил колдомёт. Да, именно тогда он начал бояться людей, потому что при всех ужасах, которые начались, при всех невероятных искажениях и искривлениях реальности самыми страшными для него всё равно оказались простые люди. Паникующие, истеричные, глупые, превратившиеся из людей в толпу.

Снаружи раздался шум, но Акхил не обратил на него внимание. На Александрплатц всегда было шумно. Он предпочитал отсиживаться тут, в гараже с дрезиной или в кают-компании в подземном бункере Серба. Переезд в менее людный Пренцлауэр-Берг был для него настоящим спасением. Если бы не...

Если бы не необходимость жить в кирхе и быть частью замкнутого круга по использованию непонятных и опасных сил и эксплуатации людей, которым эти силы неподвластны. Всё существо Акхила противилось колдовству. Он всегда был атеистом, но это убеждение исходило из еще более глубокой веры – в то, что люди абсолютно равны. Смещение уничтожило это на корню. Люди не только перестали быть равными по своим общественным возможностям, они полностью потеряли всякую надежду на равенство. И хуже всех были колдуны, запертые в своих башнях, сосущие ресурсы и жизнь из остального города. В последнее время Акхил всё больше и больше задумывался о лицемерии собственной жизни и приходил к выводу, что...

Шум снаружи усилился. То, что он поначалу принял за обычные шумовые отходы жизнедеятельности, вдруг показалось ему чем-то более серьезным. Пол под дрезиной содрогнулся раз, другой, третий. Раздалось несколько громких хлопков. Акхил спрыгнул вниз, аккуратно положил трубку на полку и выглянул из гаража.

LXXXIII.

Пшигода колобком скатился по знакомым ступеням. Лабиринт коридоров, в котором скрывалась организация Серба, он знал досконально. Поэтому, когда во всём подземном комплексе погас свет, Пшигода не смутился и даже не сбавил шаг. Бывает.

Гораздо больше его напрягала гулкая тишина. В коридорах Серба не было так много народа, как наверху, но тут постоянно терлись клиенты и антиквары, обсуждали с охранниками сплетни, иногда играла музыка. Сейчас же только звук его шагов резиново отскакивал от покрытых плиткой стен.

Серба на месте не оказалось. Вообще вся подземная территория была пуста. Пшигода дошел до внутренних офисов, щелкнул пальцем, высек искру, силой воли удержал ее в воздухе и раздул в небольшой желтый огонь. Осмотрелся. Отсюда бежали, причем в спешке. Кладовки и сейф были вычищены, но кучи всякой посуды, книг, тряпок, какой-то мелочевки валялись тут и там, напоминая о том, что здесь еще недавно жили и работали несколько десятков человек.

На стене одного из коридоров Пшигода обнаружил опаленное пятно. Потрогал его пальцем, принюхался. Резко пахло чужим, чуждым.

За поворотом его ждал сюрприз: бóльшая часть стены была выломана, и в проломе он обнаружил тоннель метро. Подземка, она же У-Бан, была заблокирована везде, куда смогли дотянуться люди после Смещения. В тоннелях водилось много гадостей, главной из которых был...

Kurva!

Ругая себя за тупость, Пшигода со всех сил побежал к ближайшему выходу на поверхность. Огонек погас, и он пару раз споткнулся обо что-то лежащее поперек дороги. Ему показалось, что это были человеческие тела. Он не остановился, чтобы проверить. На выходе из подземного комплекса его ждал монстр-тойфель. Он был похож на соплю из адского носа – бежево-зеленоватый, бесформенный, слизистый. Но где-то посреди нагромождений массы болотного цвета Пшигода разобрал клыки и когти.

Они прыгнули одновременно: соплемонстр – на Пшигodu, Пшигода – в сторону. Одновременно он нащупал в аккуратном нашитом на его прекрасную монашескую рясу кармане кастет. Монстр прыгнул еще раз, и чех встретил его ударом кулака чуть повыше клыков. Кулак прошил монстра насквозь. Тот заметно осел, растекся, словно вчерашний холодец, издал серию хлюпающих звуков. Пшигода выдернул руку и ударил снова, сверху вниз, буквально размазав монстра по полу. Отдельные куски существа продолжали дергаться, но Пшигода уже перешагнул через них и бегом начал подниматься по лестнице. Снаружи его встретил хаос. Люди в панике неслись во все стороны, сшибая торговые палатки и друг друга. Несколько человек сразу врезались в Пшигodu, но он устоял на ногах. Его самого накрыло только спустя несколько минут, когда, вовсю орудуя локтями, он пробивался к эпицентру событий – госпиталю Оксаны.

Пшигода вдруг оказался один. Мало того, он перестал быть собой, с ужасом обнаружив, что вернулся в тело того робкого толстого мальчика, от которого он старательно убегал всю жизнь. На его руках и ногах не было мускулов, с них складками свисал мягкий, студенистый жир, который почти не скрывала ставшая полупрозрачной кожа. Ирджих сразу напомнил себе изнаночного тойфеля, которого только что вбил в пол практически голыми руками. Слизкие, сальные тела его подрагивали, как желе. Пшигода вдруг понял, что ему даже трудно шевелиться. Он попытался поднять руку, но розово-белесая, похожая на

протухшую колбасу плоть соскользнула с его кости и шмякнулась на асфальт. Пшигода сделал шаг и начал разваливаться, как вываренный кусок свинины. Тут его сбили с ног.

LXXXIV.

Лу и Пилар стояли спина к спине, зажав до смерти напуганного Мигеля между собой. На них уже набросились три изнанных чудовища. Двоих Лу испепелила молниями, а третьего разрубила пополам Пилар, превратив свою правую руку в косу очистительного света.левой она сильно сжимала ладонку Мигеля. Лу наскоро поставила вокруг них гравитационный и энергетический барьеры, смутно подозревая, что против Тараска они не помогут. Тот вылезал из-под земли не торопясь, основательно, цепляясь за крошащийся асфальт сотней коротких щупалец. Головы как таковой у него не было, не было даже какой-то морды. Судя по всему, Тараск был слеп и ощущал реальность жабрами и присосками, раскиданными по всему его длинному сегментарному телу. Тараск выползал из дыры, разворачиваясь, поднимаясь во весь рост и являя присутствующим всю свою червеобразную пеструю плоть.

Вдруг Пилар дико закричала.

– Мигель! Мигель! – вопила она, всё еще сжимая ручку ребенка.

Лу на секунду растерялась, а потом паническая волна дошла и до нее, коснулась ее сознания, и Лу позабыла про кричащую подругу.

Она увидела, что стоит на коленях перед Иммануилом, во всём его трехметровом великолелии. В руках ангел сжимал нестерпимо пылающий огненный меч.

– ТЫ ДУМАЛА, ВСЁ КОНЧИЛОСЬ? – спросил он.

Он был абсолютно голым, и кончик его полунапряженного члена размером с боксерскую перчатку почти касался лба Лу. Девушка подняла глаза. Ангел смотрел на нее с холодной яростью. Лу приоткрыла рот, потянулась... этот момент словно застыл во времени. «Арк, где же ты? – пронеслось в голове у Лу. – Никто мне не поможет!.. – толкаясь, влезло следом. – Всё нужно делать самой», – поняла она. И что есть силы вонзила в качавшуюся перед ней пунцовую дыню материализовавшееся в левой руке шило.

Раздался вопль, кровь брызнула ей в лицо вперемешку с огнем, и видение исчезло. Она по-прежнему стояла на Александрплатц спиной к дрожащей и орущей Пилар, и к ним со всех сторон подбирались изнанные твари.

Метрах в десяти от них Тараск уже почти продавил свое тело сквозь узкую дыру в асфальте и теперь возвышался над площадью, ростом доходя почти до верхнего этажа госпиталя. От него во все стороны разлетались электрические разряды, искры и даже огненные всполохи, а внизу, на земле, повсюду открывались и схлопывались новые разноцветные порталы, откуда иногда успевали вывалиться новые и новые тойфели. Тараск всем своим существом заставлял реальность

трескаться. Лу подлила еще энергии в защиту, а потом вложила всё оставшееся у нее могущество в один-единственный удар, даже не стараясь придать ему некую форму. Бирюзовая молния толщиной в электрический столб вылетела из ее руки и ударила прямо в бок червеобразного монстра. Раздались оглушительный треск и вой, и ударной волной смело всех людей и тойфелей на десятки метров вокруг. Тараск с грохотом отлетел назад и врезался прямо в госпиталь. Здание сложилось под его весом, как картонная коробка, и Лу с ужасом увидела, как чудовище конвульсивно забилось, задвигало одновременно всем телом, разрушая госпиталь еще больше. С шумом рухнула крыша, придавив Тараска сверху. На секунду настала полная тишина, и даже Пилар перестала кричать и ругаться по-испански, и было слышно, что в этот самый момент Мигель совершенно спокойным и уверенным голосом произнес:

– Мама?

LXXXV.

Пшигода задыхался, ощущая на лице зловонное дыхание тойфеля. Из раскрытой пасти нестерпимо несло чем-то химическим: то ли аммиаком, то ли сульфатами. Этот запах и привел его в чувство после того, как его сшибла с ног набежавшая толпа людей. Морок спал, и Пшигода вернулся в реальность в тот самый момент, когда похожий на фиолетового крокодила монстр забрался на него с явной целью откусить лицо.

Раздался оглушительный грохот, и Пшигodu вместе с крокодилом откинуло взрывной волной. Тойфелю повезло меньше – его впечатало в дальнее здание, а сверху придавило Пшигодой. Крокодил сразу стал более мягким и мокрым.

Пшигода с трудом поднялся. Пара ребер явно была сломана. Левая нога тоже болела – вывих или ушиб. Площадь немного очистилась взрывной волной, и был виден Тараск, выкарабкивающийся из развалин госпиталя. А на его фоне – три оставшиеся на ногах фигурки: две побольше и одна поменьше. Пшигода изо всех сил захромал в их сторону. По дороге подобрал выбитую оконную раму с острым стеклянным краем, метко отрубил голову встающему на ноги тойфелю слева, воткнул между хитиновых пластин тойфелю справа. С третьим расправился кастетом. Монашеская ряса на нем превратилась в лохмотья, и тело под ней, мокрое от пота, крови и слизи, сверкало в отблесках молний и пламени вокруг.

Пшигода пер напролом, как ледокол, расчищая путь перед собой бесстрастно и целенаправленно. Пару раз на него налетали взбесившиеся от психоатаки Тараска люди. Это было худшее, что с ними случилось в тот день.

Когда до Лу, Пилар и Мигеля Пшигоде оставалось пройти всего метров двадцать, Тараск полностью выбрался из-под госпиталя. Он явно был взбешен. Все уродливые отростки на его теле встопорщились, делая его похожим на смертоносный посудный ершик. Поперек его верхнего конца пролегла тонкая

ломаная трещина, и лишь приглядевшись, Пшигода понял, что это – подобие рта: беззубое, кривое отверстие, открытое в беззвучном вопле. Молнии градом сыпались на возведенный Лу щит, не давая ей ни секунды передышки. Пилар о чём-то говорила с Мигелем, держа его обеими руками и защищая от подступающих монстров.

Пшигода ускорился, обошел друзей по небольшой дуге, по дороге подобрал торчащий из обломков каравана длинный арматурный прут. Собрал все свои колдовские способности. Раскалил добела кончик прута.

Тараск был существом почти чистого колдовства, отродьем дальних Изнанок. Даже Лу вряд ли могла бы что-то ему противопоставить. Но против лома приемов, как известно, нету.

Пшигода перестал отвлекаться на боль в ноге, перехватил прут наподобие прыгуна с шестом и набрал еще скорости. Лу увидела его, поняла без слов, без знаков и в нужный момент создала под его ногой гравитационное поле. Пшигода прыгнул и взлетел, сохранив всю свою инерцию, всю свою ярость. Он был Георгием, пронзающим змея, он был стрелой, убившей Ахилла. Мерцающий огнем прут дротиком вонзился в бок Тараску. Во все стороны брызнуло что-то белесое, липкое, разъедающее кожу и камень. Пшигода повис на трехметровой высоте на согнувшемся под его весом пруте. Всё его тело болело. К нему тут же потянулись десяток щупалец.

Они казались короткими только издалека, вблизи же было видно, что некоторые из них достигали пары метров. Они обвили торчащий из тела Тараска прут, зазмеились по нему, добрались до Пшигоды. На ощупь они были неожиданно горячие и сухие. Они обвились вокруг голых ног и туловища чеха, тщательно избегая покрытых остатками рясы участков. Пшигода ударил их пару раз кастетом, но тщетно: судя по всему, боли они не ощущали. Щупальца оторвали Пшигиду от его импровизированного копья, притянули ближе к туловищу монстра. Пшигода почувствовал, как хватка щупалец усиливается и они тянут его в разные стороны. Хотел выругаться напоследок, но горло пересохло, не издало ни звука.

«Вот и смерть», – спокойно подумал он.

LXXXVI.

На улице царил полнейший хаос. Люди в панике, в безумии бежали во все стороны, орали, дергались в агонии. На них набрасывались изначные монстры. Александрплатц был залит кровью.

Ахил отшатнулся, спрятался внутри. «Сейчас, – подумал он, – сейчас Александр всё остановит. Еще одна секунда – и всё прекратится, как по мановению волшебной палочки, – Ахил зажмурился. – Колдун поможет. Он обязан помочь».

Ахил, сам того не осознавая, стоял на коленях у выхода из гаража и направлял все свои мысли наружу и вверх, к огромному зеркальному шару телебашни,

нависавшему над площадью. Александр молчал в ответ. Люди продолжали умирать. Крики не прекращались. Раздался гулкий взрыв, потом грохот рушившихся зданий.

Акхил не знал, сколько времени прошло, но в какой-то момент его отчаяние перебороло его же страх, и он встал на ноги. Слезы текли по его лицу, руки и колени дрожали. Он еще раз посмотрел наверх, туда, где за несколькими потолками, сотнями метров воздуха и непроницаемой сверкающей стеной сидел Александр, и на этот раз в его взгляде не было ничего, кроме бесконечного презрения.

Акхил начал заводить дрезину. Забрался внутрь, плотно закрыл двери и окна, переключил управление колдомётом на крыше на себя. Времени открывать гаражные двери не было. Он надавил на рычаг, и дрезина, защищенная и укрепленная десятком заклятий, двинулась с места, пробивая стены.

Волна паники накатила на Акхила, когда он выехал на свежий воздух. Костяшки пальцев на руле посветлели от напряжения. Навстречу ему бежала толпа обезумевших людей и монстров. Его спина покрылась потом, ноги задрожали. Он почувствовал в себе желание невероятной силы, невероятный соблазн просто нажать на гашетку. Скосить колдомётной очередью летящее на него чудовище, чтобы оно больше никого не сумело растоптать. Это было так просто сделать. Это был путь наименьшего сопротивления. Просто нажать на кнопку и не отпускать.

В глаза Акхилу прыгнул солнечный зайчик, отразившийся от зеркального шара телебашни и со снайперской точностью влетевший в окно дрезины. Он пришел в себя, сделал несколько точечных выстрелов из колдомёта, снеся головы самым крупным и яростным монстрам. Их тела моментально поглотились бегущей толпой. Акхил свернул, обогнул бежавших и поехал к госпиталю Оксаны.

Он уже видел Лу и Пилар, заметил безумный прыжок Пшигоды, как вдруг дрезина содрогнулась и упала на бок от мощного удара. Акхил вылетел из водительского кресла, больно ударился головой. Схватил висевший на стене посох Пилар, выполз из перевернувшейся машины. Ее глодали два тойфеля. Акхил сосредоточился, выпустил из посоха облако сине-белого марева и побежал дальше. Убил еще одного монстра, вылезшего из открывшегося прямо под ногами портала, рефлекторно, даже не задумавшись об этом. Оказалось, убивать монстров просто. Достаточно не включать в работу мозг, а тело всё сделает само. Он добежал до Тараска прямо в тот момент, когда искореженное, изломанное тело Пшигоды мокро упало на асфальт.

LXXXVII.

– Мама... – сказал Мигель, и Пилар вынырнула из кошмара.

Первым ее рефлексом было взять сына и побежать. Наплевать на Лу, на Пшигоду, который с ревом расшвыривал вокруг себя монстров, на разрушенный на ее

глазах госпиталь, на тысячи знакомых умирающих людей, на Александрплатц в руинах, на Берлин. Просто взять и бежать. Спрятать его от всех, защитить, сохранить.

– Мама, – спросил Мигель, – почему ты плачешь?

Тараск издал дикий вопль, Лу выпускала в него молнию за молнией, Пшигода болтался на шесте, торчащем из его бока, а Пилар во все глаза смотрела на сына, который впервые в своей жизни составил из слов предложение. По ее лицу действительно катились крупные слезы.

– Не плачь, мама, – сказал Мигель. – Этого не будет. Всё будет хорошо. Всё будет другое.

Еще одна мысль раскаленным клинком пробежала в голове Пилар: Мигель не говорил по-испански. Он говорил по-немецки, причем совершенно без акцента. Пилар на секунду усилием воли притушила переводившую часть подсознания и в ужасе услышала картавые «wird» и «anders».

Что-то случилось с ее ребенком. В тот самый момент, когда она была беспомощна, когда дикие кошмары пожирали ее мозг. Что было в кошмарах? Может быть, они не кончились?

– Нет! – дико, отчаянно закричала Лу, и Пилар, отвлекшись, увидела, как тело Пшигоды падает вниз. Лу в тот же момент сняла все защиты, превратилась в гигантскую птицу и полетела на Тараска. Пилар осталась наедине с Мигелем. Она перевела взгляд на сына, посмотрела ему в глаза. Обычно взгляд мальчика был затуманен и не сфокусирован. Он редко смотрел кому-то в лицо, постоянно уводил глаза в сторону. Но не сейчас. Он глядел очень уверенно. Взгляд его был спокойным и мудрым, он как будто говорил: «Не переживай, мама, я знаю, что будет, и всё будет хорошо».

Пилар услышала еще один дикий вопль и увидела, как истекающий кровью и слизью Тараск отрывает у Лу левое крыло. Лу упала на землю, превратилась обратно в человека. Вместо руки у нее было кровавое месиво.

Пилар почувствовала, как рука Мигеля, державшая ее ладонь, сжалась крепче. Она повернулась.

– Держись, – сказал ее сын.

Тараск повернулся, покрутил слепой башкой, стряхнул с себя последние обломки здания и пополз к ним. Лу его больше не интересовала. И тут на пути Тараска появилась небольшая тонкая фигурка в хорошем, словно скроенном по фигуре костюме-тройке. Это был Ахил. В руке он держал посох.

Он стоял спокойно и ровно, глядя, как на него наезжает червеобразная глыба. Пилар видела его со спины, но что-то ей подсказывало, что на его умном лице с тонкими чертами сейчас играет уверенная улыбка. Пилар даже почувствовала облегчение. Ахил никогда не играл, если у него не было пути к победе.

Тараск, словно смутившись, затормозил перед человечком, а затем, изогнувшись в огромный вопросительный знак, раскрыл пасть и проглотил Акхила целиком. Тот не издал ни звука, но в последний момент изо рта чудовища вылетел отблеск бело-голубого марева, испускаемого посохом. Тараск снова издал бесшумный вопль боли – на каких-то диких ультразвуковых частотах. Пилар почувствовала, что из ее уха вытекает кровь. Монстр, впрочем, быстро оправился от удара и пополз дальше.

– Вот теперь уже скоро, – сказал Мигель. – Всё и кончилось. Мы вместе.

LXXXVIII.

Тараск проехал по ним своим безразмерным брюхом, даже не заметив этого, как человек не замечает, когда наступает на травинку или полевой цветок.

Арк беспомощно наблюдал за этим с другого конца Александрплатц. Тараск медленно, вперевалку пополз к соседнему жилому дому. Было видно, что битва далась ему нелегко. На разноцветном теле виднелись ожоги, из бока всё еще торчал прут. Арк с Карманом подбежали к развалинам госпиталя, сжигая по пути тойфелей. Живых людей на площади почти не осталось. Воздух был наполнен металлическим запахом крови.

На земле у развалин здания лежали Пшигода и Лу. Чех был мертв. Его открытые спокойные глаза смотрели вверх. Лу всё еще дышала, но была без сознания.левой руки у нее больше не было: вместо нее торчал обломок кости и висели обрывки мускулов. Ручейками вытекала кровь.

Арк остановил кровотечение, приморозил рану. Девушка открыла глаза. Взгляд ее упал на Пшигоду. Она застонала.

– Вставай, Лу.

– Всё кончено.

– Нет, – сказал Арк с непонятно откуда взявшейся горячностью. Его лицо было мокрым от слез, во рту пересохло, горло болело.

Карман тьякнул.

Арк посмотрел на собаку и вспомнил. Череда случайных событий сложилась в единую цепь.

– Вставай, Лу, – сказал он. – Нам нужны три статуи.

Лу даже не пошевелилась.

– Всё еще можно вернуть, – продолжил Арк. – Но важна каждая секунда. Помогай мне, когда придешь в себя.

Не дожидаясь девушки, он принялся расшвыривать особенно крупные куски бетона и арматуры. Карман предупреждал его, если монстры подбирались слишком близко. Тараск был занят, уничтожая здание далеко слева. Судя по всему, заклинание вызова, которым его сюда притащили, придавало ему достаточно сил, чтобы напрямую атаковать пропитанные колдовством здания. Он

и выглядел больше, чем в прошлый раз, когда Арк его видел. Эти мысли отвлекали, и Арк старательно гнал их прочь.

Первый этаж госпиталя был почти уничтожен, но кладовка – вероятно, благодаря хранившимся внутри артефактам – не пострадала. Прямо у двери туда Арк нашел труп Оксаны. На лице ее застыли решимость и уверенность. Ее затылок был проломлен упавшим с потолка камнем. Наверное, она бежала в кладовку, чтобы вооружиться.

Арк расчистил проход и вошел внутрь. Три статуи, которые им дала Доротея в обмен на бюст Нефертити, лежали нетронутыми, не считая изначальных повреждений. У мраморного мальчика всё еще не хватало руки, а у бронзового – мужского достоинства. Арк, кряхтя от усилий, начал вытаскивать статуи по одной наружу. Они были налиты, прямо-таки переполнены колдовством. Бронзовый мальчик еле заметно вибрировал. Это могло сработать.

Арк вытащил все три статуи на улицу, сконцентрировался, попытался вспомнить до мельчайших деталей всё, что делала Оксана, когда лечила раненого Кармана. Как же давно это было... Статуи должны стоять определенным образом. Неровным, кривым треугольником. Объект заклинания должен целиком оказаться внутри него. Никаких рун она не чертила. Время сначала остановилось, а потом пошло вспять. Возможно, там было два компонента.

К нему подошла Лу, уставилась на статуи.

– Это я сделала, – сказала она. – Я всё это уничтожила. Кинула Тараска на госпиталь. Оксана знала бы, что делать.

– Я тоже знаю. Ты можешь тащить эту статую?

Лу удивленно посмотрела на него и неуверенно кивнула. Ее культя беспомощно болталась, но на ногах девушка стояла крепко. «Не без помощи анестезирующего колдовства», – подумал Арк. В своем нынешнем состоянии Лу больше походила на зомби.

– Хорошо. Возьми вот эту, бронзовую, она полегче, и иди к Башне. Смотри вон туда, к той, дальней палатке, – Арк показал пальцем. – Оставь статую там и возвращайся сюда. Иди быстро и не привлекай внимание Тараска. Я накину на тебя маскирующее заклятие.

Сам Арк подхватил вторую статую и, чертыхаясь, побежал. Кусок мрамора в форме однорукого мальчика был чертовски тяжел. Карман бежал за Арком, предупреждая об опасности. Арк обошел рушащего уже третье здание монстра по большой дуге, установил груз, замаскировал для верности и побежал назад, подхватив песика на руки. Оттащил третью статую к самой Реке Гнили. Вернулся к госпиталю и встретил там Лу. Она выглядела ужасно. Смертельно бледное, потерянное лицо. Отсутствующий взгляд. Обрывок руки снова начал кровоточить.

– Оставайся здесь, – сказал ей Арк.

– И что делать? Смотреть на этого вон?

– Просто доверься мне. Я знаю, что делать, – соврал он.

Лу безвольно опустилась на асфальт, и Арк побежал обратно, к третьей статуе. По дороге он постарался очистить свой разум от посторонних мыслей. Перестать думать о мертвых и раненых друзьях. О сотнях, а может быть, тысячах пострадавших людей. Сконцентрироваться на заклинании, которое произносила Оксана.

Арк вытянул руки, точно как она тогда. Соединил три статуи в замкнутый колдовской контур. Подсоединил к нему себя самого, стал частью цепи, стал самой цепью. Он окружал площадь со всех сторон. Почувствовал сумму всех движений внутри – от дуновений ветра до метаний пылинок, подкинутых падающим зданием.

И остановил время.

LXXXIX.

Из центра Александрплатц, стремительно расползаясь, выросла бесконечно черная матовая сфера. Она поглотила Лу, изнаночных монстров, Тараска, труп Пшигоды, развалины госпиталя. Поглотила сотни убитых людей, разрушенные здания. Поглотила часть телебашни и почти дошла до зеркального шара. Арк почувствовал себя мальчиком, заткнувшим пальцем дыру в дамбе в Голландии.

А потом он почувствовал себя дамбой. Время внутри черной сферы совершенно не хотело останавливаться. Оно сопротивлялось, перло неизмеримой, давящей массой. Три статуи, пылающие бело-розовым огнем, вибрировали под натиском, и Арк кожей чувствовал каждое их микродвижение. Он понял, что сейчас просто обязан начать двигать время назад, иначе заклинание выдохнется. И еще он понял, что совершенно не понимает, как это делать.

Он еще раз сфокусировался на черной сфере. Ноль реакции. Сфере было всё равно. Она была абсолютно непроницаема. Арк почувствовал, что устает. «Время и внимание, – вдруг пришло ему на ум. – В чём разница между временем и вниманием? Ни в чём».

Арк еще раз сфокусировался, но на этот раз не на самой сфере, а на площади внутри. На Лу. На Пилар и Мигеле. На Пшигоде и Ахиле. На Тараске и его тойфелях. На Сербе и его антикварах. И на всех, кто жил на Александрплатц. «Не жил, а живет», – поправил он сам себя и тут явственно увидел всё, захваченное внутри сферы, застывшее во времени, как муха в янтаре.

«Время и внимание», – еще раз подумал Арк и стал оттягивать время назад. Медленно, кадр за кадром, секунда за секундой, и чем дальше, тем тяжелее становилось. Картинка внутри сферы тоже менялась. Тараск восстанавливал здания своим телом. Лу, надрываясь, задом наперед тащила статую к госпиталю. Потом так же задом пополз и Тараск, в конце концов родив откуда-то из-под себя обнявшихся Пилар с Мигелем, исторгнув из своего чрева Ахила, приделывая

крыло гигантской птице-Лу. По лицу Арка текли слезы. Он видел гибель своих друзей в мельчайших деталях, но в обратной перемотке. Наконец изломанное тело Пшигоды взлетело вверх, его поймали щупальца чудовища и начали восстанавливать. Арк почувствовал, что теряет силы. «Еще немного, – подумал он, – еще буквально пару минут». Теперь он чувствовал каждую миллисекунду. Щупальца отпустили Пшигоду, и он немного повисел, держась за раскаленный прут, а потом слегка неуклюже полетел на нем вниз, на землю. Тараск попытался, как-то сгорбился и начал залезать в развалившийся госпиталь, окутывая его вокруг себя, как одеяло. «Оксана, – понял Арк, – я должен вернуть Оксану. Это единственный шанс не допустить повторения всего этого кошмара. И я должен дать им время». Силы его таяли. Все тело трясло крупной дрожью, спина и руки плавали под курткой в поту. «Еще несколько секунд, – уговаривал он сам себя. – Секунда за Лу, секунда за Пшигоду...» Вот здание госпиталя восстанавливает свой третий этаж, позволяя Тараску аккуратно оттуда выбраться. Вот он снова встает во весь рост, лениво, медленно поднимается, отходит от почти целого дома, испускает откуда-то из середины своего тела немыслимой силы и ярости молнию. Тойфели вокруг массово запрыгивают в порталы. Молния, яркая, бирюзовая, летит обратно в руку Лу. «Еще немного, – тянул Арк, кровь текла из его глаз вперемешку со слезами. Рана в плече открылась и горела. Ногти на руках вздулись и кровоточили. – Еще совсем немного. Я должен успеть их предупредить. Я должен их остановить».

Но силы покидали его. Легкие перестали забирать из воздуха кислород. Три статуи превратились в мелкую пыль и мягко оседали на асфальт. Задыхаясь, Арк упал на колени, как можно сильнее в последний раз дернул время на себя, а потом отпустил.

ХС.

Лу спикировала на землю рядом с Пилар и Мигелем, превратилась обратно в человека. Психическая волна налетела на нее, неясное, тревожное видение, в котором были и насилие, и смерть близких, и жгучая, острая боль в левой руке, всё это вместе смешалось в один комок нервов и эмоций у нее в голове. Усилием воли она отодвинула всё это в сторону. Она по-прежнему стояла на Александрплатц спиной к дрожащей и орущей Пилар, и к ним со всех сторон подбирались изнаночные твари. Метрах в десяти от них Тараск уже почти выдавил свое тело сквозь небольшую дыру в асфальте и теперь возвышался над площадью, ростом доходя почти до верхнего этажа госпиталя. От него во все стороны разлетались искры, языки пламени, даже молнии, а внизу, на земле, повсюду распахивались и закрывались новые цветастые порталы, откуда иногда успевали вывалиться новые и новые изнаночные монстры. Тараск всей своей сутью ломал реальность. Лу подлила еще энергии в защиту, а потом вложила всё

оставшееся у нее могущество в один-единственный удар, даже не стараясь придать ему некую форму. Бирюзовая молния толщиной в электрический столб вылетела из ее руки, но в последний момент рука дернулась, и весь заряд ушел в небо, разрезав набежавшие облака. К букету запахов примешался озон. Лу повернулась и с удивлением обнаружила, что ее руку сбил с цели Арк. Он был не у музея Боде, он был тут, рядом, окровавленный, весь какой-то помятый, с огромным трудом стоящий на ногах. Ничего не понимая, Лу быстро приняла его под защиту под безумный лай Кармана, стоящего у ног хозяина, к которому подбиралась пара тойфелей.

Тараск уже полностью вылез из-под земли в своей червеобразной безмерности. Вытянулся почти во весь рост, запрокинул голову вверх и испустил странный, ультразвуковой рев. Рев этот был не слышен, но Карман заверещал от боли, а по коже Лу пробежали мурашки.

И тут из здания госпиталя вышла Оксана. Ее белый халат развевался на февральском ветру, а всегда спокойное, доброе лицо было напряженным и сосредоточенным. Она подняла руки вверх, и словно луч театрального прожектора осветил ее сверху. Прямо из центра шара на телебашне в Оксану бил поток чистой, сильнейшей колдовской силы. Оксана приняла его, впитала, как будто стала выше в плечах. Тараск неуклюже развернулся, отвлеченный таким мощным выбросом. Несколько секунд колдунья с поднятыми к небу руками и чудовище смотрели друг на друга. А потом из-за угла здания с ревом вылетел поток воды. «Нет, не воды, – поняла Лу, когда до нее долетел нашатырный запах. – Гнили!» Река Гнили, управляемая Оксаной, с шипением ударила в бок не ожидавшему этого Тараску, опрокинула его на землю, накрыла мерзкой жижой с головой.

Лу сразу стала возводить барьеры, мешающие зловонной разъедающей гнили распространяться по всей площади, и одновременно осмотрелась вокруг. Арк лежал на асфальте в полубессознательном состоянии и истекал кровью. Пилар отходила от своего кошмара, перестала кричать и села на землю, задыхаясь и обнимая Мигеля. Где-то сзади она заметила крупную фигуру Пшигоды, с трудом отбивающегося от трех крокодилообразных тойфелей. Лу никак не могла ему помочь, все ее силы и внимание уходило на сдерживание Реки Гнили и защиту Арка, Пилар и Мигеля.

Лу вдруг вскрикнула от почти физической боли. Ей почему-то привиделась страшная картина: мятое, изломанное тело Ирджиха летит с большой высоты, переворачивается в воздухе и ударяется об землю. В реальной жизни Пшигода тоже упал – под напором тойфелей. Лу уже почти было отпустила барьеры и бросилась ему на помощь, как из-за угла вылетела дрезина. Очередь из колдомёта разрезала пополам одного из крокодилов, а второго оттолкнуло в сторону защитным бампером. Пшигода сам справился с третьим, вскочил, забрался на дрезину, переключил управление колдомётом на себя.

Вдруг у Лу опять дико заболела левая рука. Она вздохнула, из глаз ее хлынули слезы, и все поставленные ею силовые поля рухнули.

XCI.

Пилар сразу подхватила инициативу. Ставить такие мощные щиты, как Лу, она не могла, но боевое колдовство всегда давалось ей легко. Она испепелила несколько мечущихся в панике тойфелей, обернулась назад и убедилась, что Пшигода и Аххил держат остаток площади под контролем. На секунду ей померещилось, что над головой индуса смыкается искривленная гротескная пасть, но она быстро отогнала эту мысль. В целом битва была выиграна. Тараск тонул и бултыхался в бассейне из шипящей и булькающей гнили. Оксана сдерживала его, не давая вылезти и убежать. Порталы с новыми монстрами прекратили открываться, а люди, кажется, потихоньку возвращали себе рассудок. Тут и там начинались драки с тойфелями; туда, где жители Алекса не справлялись сами, подъезжала боевая дрезина.

Мигель всё так же крепко сжимал руку матери. Она посмотрела на него, как будто впервые, и он посмотрел тоже, прямо ей в глаза, совершенно ровным, спокойным взглядом. А потом его лицо искривилось в обычном рыдании, и он уже смотрел в землю, плача и размазывая по щекам грязь. Пилар присела на колени и обняла сына крепко-крепко, закрывая его от остального мира.

Он плакал горько, samozабвенно, и ей на секунду захотелось плакать вместе с ним – просто от суммы пережитых эмоций. В этот момент Тараск дернулся в последний раз, шумно выдохнул облако зловонного воздуха, и затих, и как бы сдулся, опал. Странная волна пробежала по коже Пилар. Это не была волна паники и ужасных видений, в которых ее сына мучили сотней всевозможных способов, разъедающая психику и подавляющая волю. Это была волна пугающего, почти стерильного спокойствия, чувства, которое приобретают с годами патологоанатомы и наемные убийцы. Чувства полного отсутствия эмоций в связи со смертью, чувства, которое само и есть смерть, эмоциональное выражение небытия. Эта волна прошла по Пилар, обнимающей сына. Мигель почему-то перестал плакать, словно это ощущение передалось и ему тоже, и они двое, обнявшись, застыли посреди этой площади страха и смерти, посреди разверзшегося на земле ада.

А потом небо дало течь, и пошел снег – густой, медленный, спокойный, убаюкивающий. Он покрывал равнодушным белым ковром трупы людей и монстров, разрушенные здания и лопнувший асфальт. Он скрывал от посторонних глаз всё произошедшее, маскировал запахи гнили и гари, заметал следы, прятал красное, черное, коричневое под ровным белым цветом.